

О, счастливчик!

Кувшинура. —
2002. — 19-25 Дек. — с. 9

“Эрмитажу” — 15 лет

Михаил Левитин — человек странный. Его многогранная одаренность — это особого рода одержимость сродни жадности в самом хорошем смысле. Кажется, Левитину всего мало. Наградил Бог особенной, пронзительной театральностью в ощущении мира — радуйся, ставь спектакли! Одарил судьба литературным талантом, умением чувствовать слово на вкус, на запах, на цвет — радуйся, пиши! Наделен от рождения острым любопытством к жизни, неиссякаемой энергией — радуйся, живи!

Нет, для Левитина все не так, потому что необходимо найти ту форму, в которой естественно соединилось бы многое. И он выдумывает, сочиняет, преобразовывает действительность вокруг себя, не удосуживаясь спросить: нужно ли ей это? Но может быть, так и надо жить? Может быть, только тогда и будет все вокруг тебя кипеть, бурлить, создаваться и пересоздаваться?

21 декабря в Театре “Эрмитаж” будет отмечаться странный юбилей, который, перепарфизировав название арбузовской пьесы, так и хочется назвать “Счастливые дни счастливого человека”. Уверена, что Левитин будет с этим спорить, выражать недовольство, потому что в тот момент, когда он сам себя осознает счастливым, ему станет гораздо труднее ставить спектакли, писать, сочинять ок-

ружающую реальность. А эта реальность перестанет подчиняться своему любимчику, лукаво подмигивая: “Играй, готубчик, играй.”

Несколько недель назад фойе театра украсила мемориальная доска, сообщающая, что именно здесь, на этой сцене, состоялся в 1898 году спектакль “Царь Федор Иоаннович”, провозгласивший рождение Художественного театра. И чего только не было потом на этой сцене до той поры, пока не пришел Михаил Левитин! История длинная, не слишком равномерно осыпанная славой.

Но вот мы празднуем этот странный юбилей: 15 лет назад Московский театр миниатюр не просто был переименован в “Эрмитаж”, но стал по-настоящему новым, во многом уникальным театральным пространством.

Михаил Левитин никогда не скрывал традиций, его театром наследуемых. Игорь Терентьев, обэриуты — тот космос, не ведая которого, мы прожили большую часть жизни. Это сегодня с каждого книжного развала бросается в глаза короткое, словно выстрел, имя Хармс; это совсем недавно мы прочитали А.Введенского, узнали, что Юрий Олеши — автор отнюдь не только “Трех толстяков”, а Михаил Жванецкий родился на свет вовсе не только для того, чтобы вызывать в зале гомерический смех

своими миниатюрами. Левитин за это боролся — он винчивал в наше сознание тот особый мир, что встает за этими и другими именами, не скрывая ни от себя, ни от нас, что борется за другой театр, не тот, который привычно возбуждает или привычно веселит. Не тот, который вызывает сочувствия и сомыслия. Принципиальный проповедник театра, который достигает гармонии лишь при помощи алгебры — разъятия слова на звуки и буквы, анализа характера на уровне штрихов и черточек, ощущения атмосферы как единства сцены и зала, — Михаил Левитин (о, счастливый человек!) такой театр создал.

Кому-то довелось, по рекомендации неистового Виссариона, прийти в этот театр и остаться в нем навсегда. У кого-то левитинская затея эмоционального отклика не нашла.

Это совершенно естественно. Не потому, что Левитин построил театр для избранных. Потому что каждому театру суждено находить своих избранных.

На двух сценах Театра “Эрмитаж” — небольшой и совсем маленькой — идут очень разные спектакли. Порой начинает казаться, что ставит их не один Михаил Левитин, но лукавый режиссер дразнит нас, предлагая чуть ли не каждый раз свой новый облик. Вернее, ту часть своей души, которая в настоящий момент для не-

го самого важнее, чем другие. “Нищий, или Смерть Занда” Ю.Олеши и “Живой труп” Л.Толстого, “Эрендира и ее бабка” по Г.Маркесу и “Сонечка и Казанова” М.Цветаевой, “Леопардия и десять бесстыдных сцен” по А.Шницлеру и “Белая овца” Д.Хармса, “Зойкина квартира” М.Булгакова и “Уроки русского” М.Жванецкого, “Кругом возможно Бог” А.Введенского и “Под кроватью” по Ф.Достоевскому — это отражения сиюминутных размышлений и ощущений Михаила Левитина. Его вызов, его гнев, его радость, его отчаяние.

Далеко не все из перечисленных спектаклей я люблю, не во все увлекаюсь мыслью и чувством безоговорочно. Бывает, сопротивляюсь, спорю, не принимая, но, полюбив много десятилетий назад их создателя, ищу оправдания: он просто был слишком зол, или обижен, или недопонят. Бывает, с каждым бывает!

С каждым по определению счастливым человеком, который одарен возможностью выразить себя в слове, жесте, движении, в языке литературном и театральном. Ведь такой человек по-особому раним и по-особому защищен. И пусть на миг, но очень твердо осознает: “Я сделал это!”

Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ